

Один допрос в 37-ом...

Category: Kitapcy, Taryhy makalalar

написано kitapcy | 24 января, 2025

Один допрос в 37-ом... ОДИН ДОПРОС В 37-ОМ...

Вот уже несколько лет, как ушел от нас признанный мастер туркменской литературы, народный писатель ТССР Хыдыр Деряев. Мне хочется познакомить с некоторыми, почти не известными широкому кругу читателей, материалами и фактами, касающимися ареста писателя в 1937 г. в тот год постановлением «тройки» 32-летний Х.Деряев был объявлен врагом народа и осужден на десять лет лишения свободы. Он вернулся в родной Ашхабад в конце 50-х годов, отсидев в лагерях около двадцати лет. Большой писатель и ученый, автор очень известного и любимого в народе романа «Судьба», Х.Деряев был скромным человеком и не охотно рассказывал о пережитом в лагерях смертников и не оставил почти не строчки об этих горьких годах.

Перед читателем – архивные документы, свидетельствующие, как по ложным совершенно абсурдным обвинениям был осужден писатель. В этих материалах лишь из-за милосердия не называются фамилии людей, давших несправедливые показания против Х.Деряева, на основании чего он был объявлен буржуазным националистом и обвинен в контрреволюционной деятельности. Но правда, в конце концов восторжествовало.

27 сентября 1937 года на кафедре языка и литературы Ашхабадского пединститута проводится расширенное заседание. Присутствуют 27 человек. Повестка дня – о контрреволюционно националистической деятельности Х.Деряева.

Выступающие критикуют его, но ни аргументов, ни фактов в доказательство «обвинений», в основном, смехотворных, у них нет. В этом легко убедиться, ознакомившись с протоколом заседания.

Вот что говорил один из преподавателей: «Студенты прекрасно знают, что Деряев на занятиях вел разговоры на другие темы. В классе он вызывал студентов по алфавиту, что делать не следовало. Я лично плохо контролировал его работу.

Дерьяев мог работать. Это доказывается тем, что порученное ему дело – реализация решений лингвистического съезда – было выполнено добросовестно. Но он связался с украинским контрреволюционером, бывшим «профессором» русской литературы Чапли (фамилия не разборчива – А.Ч.).

Я получил пригласительный билет (? – А.Ч.) для поездки в Москву, но он каким-то образом оказался у Дерьяева. Почувствовав свое разоблачение, он сказал студентам:

«Дела плохи...».

«...Я получил по туркменскому языку «неуд», – говорил один студент, – потому что Дерьяев ненавидит меня, хотя отвечал я на вопросы правильно, а он говорил «неправильно»

«... В его романе «Из кровавых когтей» описываются 1915-1916 годы, где он умышленно допускает ряд политических ошибок, – утверждал другой оратор. – название романа не соответствует содержанию книги. Дерьяев умышленно показывает, что батраки, бедняки – люди несознательные. Я согласен с мнением выступивших товарищей о его снятии с работы».

«Дерьяева считать неграмотным нельзя, его оценки все умышленные, – вторит предыдущему еще один преподаватель. – Однажды Дерьяев пригласил меня с ним выпить и спросил: «Ты против меня?» Нет, сказал я, и тогда мы вместе написали в газету статью против проекта резолюции лингвистического съезда. Но сделал я это по своей слабыхарактерности и болезни. Националисты не хотели выполнять эти решения. Они 16 раз возвращали его резолюцию на редактирование...».

Еще одно выступление: «Как зав. кафедрой языка и литературы. Дерьяев принял меня в институт без испытаний. У студентов были разные знания, и выпустили нас неграмотными. Мы не знали, как нужно писать то или иное слово так, как Байлиев пишет так, а Дерьяев – по-другому. Дерьяева надо снять как врага народа»

«Контрреволюционеры Курдмурадов, Насырли, Дерьяев и другие добивались изъятия ряда пунктов из решения лингвистического

съезда. Когда он редактировал его резолюцию, он сделал умышленно ряд грубых ошибок. Рецензирую учебник Байлиева и Сопыева, Карриев заявил мне, что эти авторы являются плагиаторами. Но Карриев – сын крупного бая, он имел связь с Дерьяевым, который в свою очередь был связан с контрреволюционером Эсеном Солтаниязовым и Карахановым».

«Дерьяев высокомерен, ни с кем не считается – ни с ЦК, ни с ЦИК...».

А вот выступление самого Х.Дерьяева на расширенном заседании кафедры:

– В 1932 году я только что окончил вуз где, языковедение преподавалось по старому. Мы не были знакомы с марксистской теорией языка, я и в печати в том же 1932 г. выступил со статьей «Старый туркменский литературный язык», которая была написана в соответствии со взглядами старых языковедов. Но я тогда же выступил с признанием своих ошибок.

Туркменский язык не разработан. Ошибки есть и у нас, и у Поцелуевского, и у других. Например: в книге Поцелуевского «Туркменский фольклор» есть ошибки не меньше, чем у меня. Я признаю свои ошибки, но некоторые обвиняют несправедливо. Мне это трудно перенести.

О моей редакции работ лингвистического съезда скажу следующее: конечно мне надо было внимательнее их прочесть, чтобы не допустить ошибок, но я отнесся к редакции резолюции съезда политически беспечно.

Поцелуевский говорит, что я ничего у него не спрашивал. Ведь вы никогда не отвечали на мои вопросы. Говорили, что я знаком с Бердыевым. Ничего подобного. Бердыев был учителем в Ташкенте, но я у него не учился. Бердыев не втягивал меня в контрреволюционную группу. Говорили, что я плохо работаю в европейских группах, то есть в группах русскоязычных студентов. Это надо проверить. Я не считаю, что там работал плохо.

Я никогда не делил людей по национальностям, а только по знаниям языка. Фитуни наговорил много лишнего. Например, я ему

никогда не говорил: на что мне ЦК? Много ошибок было у меня в работе с 1931 года, но сознательным националистом я не был.

Расширенное заседание решило, что Дерьяеву не место в институте и ходатайствовало перед дирекцией о снятии его с работы как контрреволюционера националиста и передаче дела о нем в соответствующую организацию. Резолюция была принята большинством присутствовавших – 21 человеком.

3 декабря 1937 г. оперуполномоченный 4-го отделения УКГБ НКВД сержант госбезопасности Ерастенков допросил Хыдыра Дерьяева в качестве обвиняемого.

Вопрос: за что вы были сняты с преподавательской работы в Туркменском педагогическом институте?

Ответ: Я был снят за контрреволюционную националистическую деятельность.

Вопрос: Расскажите следствию о вашей контрреволюционной националистической деятельности на идеологическом фронте.

Ответ: Моя практическая националистическая контрреволюционная деятельность на идеологическом фронте заключалась в следующем.

В 1932 году я написал статью «Старый туркменский литературный язык», опубликованную в журнале «Коммунистическое просвещение» №№ 19-20 за 1932 год. В ней я открыто в страницах печати – протаскивал контрреволюционный национализм, который в то время пропагандировался в литературе, так и в науке контрреволюционерами – националистами из лагеря «Туркмен азатлыгы». Я писал в своей статье: «Иметь литературный язык можно только при наличии единого независимого государства. В руках которого сконцентрирована экономика и политика, в аппарате которого применяется только единый язык».

После публикации этой статьи, разоблачивший меня как националиста я выступил в печати с признанием своих ошибок, то есть что я действительно протаскивал националистические контрреволюционные идеи, и осуждением их.

В 1936 году после I-го лингвистического съезда мне было поручено редактировать перевод резолюции съезда. Во время этой работы я допустил ряд политических и научных ошибок. Считаю, что с моей стороны была проявлена беспечность. Кроме

перечисленных мною фактов, никакой другой контрреволюционной националистической работой я не занимался.

Вопрос: Вы говорите не правду. Следствие располагает данными, что вы систематически проводили контрреволюционную националистическую пропаганду среди студентов. В частности, когда были разоблачены контрреволюционеры-националисты Айтаков, Атабаев и другие, вы говорили, что «арестовывают туркменский актив, идет русификация аппарата». Дайте показания о вашей националистической пропаганде.

Ответ: Я это отрицаю. Никакой националистической пропаганды я не проводил.

Вопрос: С кем из контрреволюционеров-националистов вы имели связь до дня вашего ареста?

Ответ: Ни с кем из националистов я связи не имел.

Вопрос: А с Беки Бердыевым?

Ответ: С Беки Бердыевым я имел только письменную связь. Она заключалась в том, что, будучи осужденным и находясь в концлагере, он прислал мне письмо, на которое я не ответил. До этого сержант госбезопасности допрашивал трех свидетелей, и все они дали показания против Х. Дерьяева. Вот, что говорил один из них: «... В 1929 году Беки Бердыев характеризовал Дерьяева, как способного подающего большие надежды студента-туркмена. Насколько мне известно, у них были тесные дружеские взаимоотношения.

После приезда в Ашхабад, я дважды по его приглашению Дерьяева была у него на квартире. При первом моем посещении состоялся разговор о беки Бердыеве. На мой вопрос, где он находится в настоящее время Дерьяев ответил уклончиво. Когда я была у него вторично, он показал мне присланное письмо Беки Бердыевым письмо. В нем он просил Дерьяева сообщить местонахождение своей семьи, при этом писал, что осужден на десять лет, просил прислать ему туркменскую литературу. В письме я обратила внимание на фразу, в которой Беки Бердыев обращался к Дерьяеву, спрашивая его о научных и творческих делах: «По-прежнему ли ты демонстрируешь показное бесплодие?» Дерьяев спросил меня, не рискованно ли отвечать на письмо Б. Бердыева, на что я ему ответила: «Вам виднее».

Через некоторое время Дерьяев сообщил мне, что он послал Б. Бердыеву большую пачку газет и литературу, но во избежание возможного недоразумения не написал обратного своего адреса. В беседе со мной Дерьяев выражал недовольство, говоря, что «такие умные, талантливые, образованные люди из националов как Беки Бердыев, загнаны на далекий Север и остраниены от всяких дел...

А это — из выступления другого свидетеля «Работник института языка и литературы Фитуни рассказывал, что по возвращении Дерьяева из отпуска в августе встречался с ним. Он в разговоре сказал, что все туркменские кадры ныне арестованы: «С кем вы теперь будете работать?...»

Два с лишним месяца обвиняемый Х. Дерьяев сидел без всяких допросов, и только в декабре его, наконец, вызвали на допрос. На этот раз уполномоченный не предъявляя обвинений и статей, только задал вопросы касающиеся:

- а) ошибки в статье Х. Дерьяева , помещенной в журнале «Компросвещение», органе НКП Туркменской республики.
- б) допущенной при редактировании перевода на туркменский язык ошибки в резолюции лингвистического съезда.

Может быть, были еще, какие то вопросы, но ответам на них явно не придавали значения. Следовательно лишь сказал: «На этот раз мы ни к чему не пришли, поэтому подумай до следующего раза, скоро еще вызову».

После этого он Х. Дерьяева на допрос не вызывал. Вместо скрупулезного выяснения обстоятельств по делу следователь удовлетворился вышеперечисленными двумя вопросами, не дав писателю даже подписаться по первому вопросу в протоколе. Вот так и оформили дело Х. Дерьяева без обвинительного заключения и без его подписи.

На самом деле не было в той статье Х. Дерьяева, опубликованной , в 1932 году, ошибки, послуживший столь серьезным фактом для осуждения писателя.

Что же касается ошибок, которые были допущены Х.Дерьяевым при переводе с русского на туркменский язык резолюции лингвистического съезда , то по существу это были орфографические ошибки.

Кроме этих двух обвинений, в постановлении «тройки» на клочке бумаге было указано, что Х.Дерьяев с 1926 года якобы вел националистическую работу. А он даже и даже знал о «существовании» придуманной националистической организации «Туркмен азатлыгы».

«Я был осужден «тройкой» ашхабадским НКВД по статье «К-р» на десять лет. Не знаю за что. Из-а этих обвинений получить срок я совершенно не заслуживаю. Потому что в моей голове не было даже мысли против Советской власти, не то, что делать нечто такое на практике. Если в моей повседневной работе были кое-какие ошибки, то у кого их не бывает», – писал из лагеря осужденный Х.Дерьяев.

Он просил пересмотреть свое дело и надеялся, что если оно попадет в руки здравомыслящего человека, то он «скоро вернется семью трудового народа и со свежими силами начнет работать в самой счастливой стране земного шара». Но и в этот раз Х.Дерьяев не был услышан никем.

В 1940 г. в связи с новой проверкой жалобы осужденного, дело было возвращено на дополнительное расследование, в ходе которого никаких новых доказательств виновности Х.Дерьяева не было найдено.

Не подтверждена виновность Х.Дерьяева т материалами проверки, которая проводилась в 1955 г.

Только в 1956 году постановление «тройки» НКВД ТССР от 5 декабря 1937 года по делу Хыдыра Дерьяева отменили, и дело производством прекратили за недоказанностью обвинения.

Я рассказал лишь об одном допросе в 37-м году, предопределившим трагическую судьбу известного туркменского писателя Хыдыра Дерьяева. Но таких горьких судеб – миллионы. И мы не имеем права забывать о них.

Эту публикацию я хотел бы закончить строками своего стихотворения:

*Всю жизнь прожил в родном ауле дед –
С соседями, с душой своею в мире...
«Прислужник англичан», он в сорок лет,
Замученный, окончил жизнь в Сибири.*

Мои глаза, сияющие и днем,
Моя душа в тоске горит огнем.
Я знаю о ночах тридцать седьмого.

Недопит чай в забытых пиалах,
Грустит чинара у родного крова
Любовь и нежность превратилась в прах
В безвыходных ночах тридцать седьмого.

А.Чуриев,
писатель, лауреат премии Ленинского
комсомола Туркменистана.

«Туркменская искра» 02.09.1991 год. Taryhy makalalar